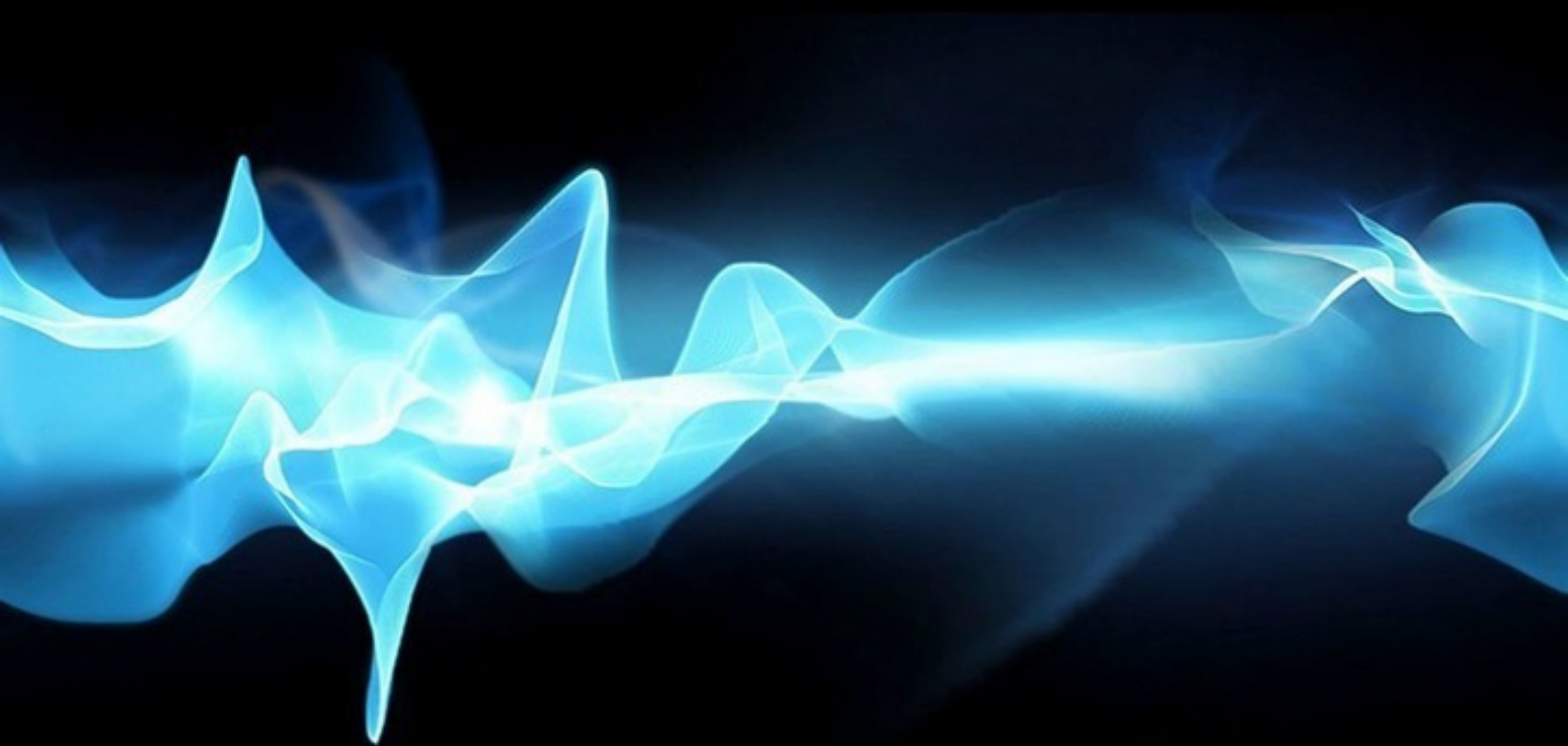

«СКАЗОЧНИЦА»: ПРЕДЫСТОРИЯ

АМПЛИТУДА ВОЛШЕБСТВА

Светлана Гусева

Светлана Гусева

Амплитуда волшебства

«Издательские решения»

Гусева С.

Амплитуда волшебства / С. Гусева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501981-3

Отправляясь на практику в Санкт-Петербургский НИИ, Яна и не предполагала, сколько всего произойдёт за эти три недели. Вместо привычной работы над курсовой студентке-отличнице придётся разгадать не одну тайну, решить судьбу секретной разработки и... встретить первую любовь — яркую и головокружительную, но при этом такую хрупкую и ускользающую. Загадок становится всё больше и больше, и Яне остаётся надеяться только на чудо. Как сделать правильный выбор, если не знаешь, кому доверять?

ISBN 978-5-00-501981-3

© Гусева С.
© Издательские решения

Содержание

1. ЯНА	6
2. ИГОРЬ	10
3. ЯНА	14
4. ИГОРЬ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Амплитуда волшебства

Светлана Гусева

© Светлана Гусева, 2019

ISBN 978-5-0050-1981-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ЯНА

Радость по поводу практики оказалась преждевременной. Даже памятник Кирову перед Институтом указывал в противоположную сторону – мол, «валите отсюда подальше, нечего нашей комсомольской молодежи делать в таком месте». Яна метеором пронеслась через площадь, как нарочно, попадая в лужи одной и той же ногой. Но зато она ворвалась в тяжелые деревянные двери ровно без четверти восемь вечера, проклиная того, кто вздумал назначить организационный сбор на такое время.

Вахтерша окинула ее сонным взглядом, встрепенулась и бросилась звонить по внутреннему телефону. Яна переминалась с ноги на ногу, поглядывая на большие электронные часы – формально она пришла раньше назначенного срока, но поди знай, сколько придется искать нужный кабинет в лабиринте этого совсем не шедевра конструктивизма.

– Проходите, под лестницей налево актовый зал, – раздался крик у нее над ухом.

Микрофон у вахтерши был выкручен строго на максимум.

– И никуда больше! У нас тут пропускной режим!

– Спасибо, спасибо, не больно-то и хотелось, – пробурчала Яна, толкая тяжелую вертушку.

Она свернула в указанном месте, но актовый зал оказался заперт. Небольшая рекреация перед ним тонула в полумраке – добрая половина ламп не работала, а в остальных едва теплилась жизнь, периодически вздрагивая отвратительным фиолетовым мерцанием. Ничего удивительного, что в науке они давно и безбожно отстали от Америки и Европы. Яна швырнула рюкзак на подоконник и прислонилась к теплой облупившейся батарее. В Петербурге апрель за весну не считали, а редкие солнечные дни могли обмануть только туристов.

За пару минут до восьми ввалилась целая толпа; Яна кивнула паре одноклассников, проигнорировав остальных. За три с половиной курса она не запомнила и половины своего потока, а имен тех, кого знала в лицо, все равно не выучила. Главное – не запутаться, с кем придется работать над курсовиком эти три недели.

– На практику, значит? – по рекреации прокатился насмешливый бас. – Вилькоммен, либе партайгеноссен, как учили нас приветствовать немецких студентов.

Из темноты коридора вывалился облысевший человек-колобок в помятом сером костюме. Студенты растерянно переглянулись, кто-то хихикнул. Яна скривилась, в последний момент отвернувшись к окну. Из-за угла появился еще один студент – на этот раз совершенно ей незнакомый.

– Итак, вы находитесь в Институте, который был создан в разгар тяжелого, но очень интересного времени в истории нашей страны – в середине тридцатых годов прошлого века. Тогда, вы знаете, многие люди страдали, но это было время прорыва в науке и технике, когда техническое отставание СССР от Запада сокращалось семимильными шагами, хоть и было невероятно огромным.

Тут человек-колобок заметил, какими глазами-блюдцами на него смотрят и запнулся, но быстро вышел из положения.

– Прошу прощения, не представился. Эдуард Иванович Киселев, главный инженер. Я же формально являюсь руководителем вашей практики, с любыми вопросами можете обращаться ко мне. Если застанете в кабинете, – он хихикнул.

Киселев вытащил из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и скотч.

– Я здесь оставляю список – кто в какой отдел распределен. Только не бегайте за мной с просьбой все переделать. Я знаю – подружки-врагушки, но у меня, честное слово, голова другим занята. Просто по алфавиту раскидал, не обессудьте. Три недели можно и потерпеть. Вот фамилии, вот отделы, в третьей графе номер комнаты. Спросите у Лизаветы Санной на вахте

в понедельник, как пройти – там и пропуска заодно получите. Все ясно? Начальник отдела – ваш непосредственный руководитель. Все расскажет и покажет – а если нет, вы сразу мне жалуйтесь. Ну, если поймаете... я уже говорил, меня вечно нет на месте. Так что, прощаемся на этом?

Студенты растерянно переглядывались. Кто-то кивнул, Яна только руками развела. Получалось – им даже не дали выбрать тему для курсача. Куда назначили – тому и радуйся. Она всерьез настроилась в понедельник вместо практики навестить любимую в кавычках кафедру и устроить очередной скандал, но тут инженер Королев проявил остатки сознательности:

– Погодите, ребята. Сейчас, проверим, все ли вы у меня тут – а то я должен в отдел пропусков копию сдать, если кого пропустил – три шкуры сдерут. Лизавета Санна может, она тут... ну, в общем, сами скоро узнаете.

Он начал пофамильную переключку. Когда дошла очередь до Яны, ему пришлось прерваться.

– Нам говорили, что может будет выбрать направление. Для курсовика.

– А? – инженер оторвал ословевшие глаза от списка. – Простите, барышня? Не расслышал.

– Вы не можете навязывать нам тему работы.

Яна и без Колобка знала, что переходила на шепот, оказываясь в центре внимания. Она предпочитала разговоры с глазу на глаз – поэтому заходила в деканат исключительно во время лекций, не ленилась дожидаться преподавателя в коридоре и даже с родителями предпочитала выяснять отношения по очереди. Сейчас же на нее смотрело две дюжины глаз, и голос сорвался в сипение.

Но отступать было некуда.

– Навязывать? Барышня, вы... А чем бы вы хотели заниматься? Вы что-то знаете о работе института?

– Меня интересуют новые разработки. А вы нас отправляете, – она сверилась со списком, который Киселев прилепил на ближайшую колонну, – на разводку плат и работу с полупроводниками. Вы понимаете, что мы пи-эн переход год назад изучали на лабораторных?

Инженер, казалось, смутился. Потом махнул рукой:

– Вы не лезьте, барышня, вперед паровоза. Дойдем до конца списка и посмотрим.

Когда он добрался до последней фамилии, оказалось, что одного студента все-таки забыли. Того самого, которого Яна видела впервые в жизни.

Он показался ей моложе остальных, и выглядел скорее бродячим музыкантом, чем будущим технарем: клетчатые вельветовые штаны, большой рюкзак за спиной, давно не стриженные темные космы.

– А вы у нас кто будете, молодой человек?

Парень смутился; он быстро шевелил пальцами, не отрывая глаз от пола – Яна знала, что это нервное, некоторые еще вдобавок что-то бормотали. Потеряшка, казалось, удивился, что центр внимания сместился с Яны на него самого. Он поправил лохматую челку, искоса поглядывая на инженера. Тот внезапно нахмурился.

– А, я вспомнил вас, вспомнил. Ваш декан звонил вчера, я запомнил, что вы с другой кафедры. А куда же мне вас включить, дайте подумать...

Он скользнул взглядом по группе, задержавшись на Яне.

– А вот с госпожой Прохоровой, в исследовательскую, к Игорю Михайловичу. Он, конечно, не обрадуется – но раз барышня так требует справедливости... вот вас вместе и запишем. Отлично, все свободны.

С этими словами Колобок выкатился из рекреации прежде, чем Яна успела спросить, в каком кабинете искать загадочного Игоря Михайловича в понедельник. Привкус победы явственно отдавал горечью.

В проходной царил темнота. Вертушка послушно выпустила студентов одного за другим; последними вышли Яна и незнакомый патлатый парень. Она все пыталась вспомнить, с какой же он может быть кафедры – неужели ТВ-шник? Или программист? По универу уже полгода ходили слухи, что гики с легкостью получают разрешение на стажировку в Британии или Франции, были бы деньги да виза. Но поразмыслив, Яна с чистой совестью отбросила эту версию. Обычный прогульщик, вот и все – поэтому она его и не помнила.

В сумерках дорога к Институту едва ли казалась живописной, но в кромешной темноте и вовсе выглядела пугающе. Яна прибавила шагу и быстро догнала остатки группы; здравый смысл велел держаться общей компании, хотя никто не обращал на нее внимания. Из ее группы в Институт попало лишь трое – и эти трое за четыре года не сказали ей и десятка слов, кроме «Привет». Это Яну вполне устраивало – она уже давно очертила безопасный круг общения. Вроде не подружки, но в некотором роде знакомые. Всегда можно одолжить конспект, если пропустила лекцию, или сесть вместе на лабе, достаточно умные и недостаточно болтливые, чтобы хотелось их придушить.

Но идти до метро в одиночку было страшно. Яна запахнула любимое демисезонное пальто, плотнее затянула объемный шарф и по привычке порылась в сумке, проверяя проездной и мобильник. Повернув голову, она с удивлением обнаружила, что парень с другой кафедры так и шел следом, не обращая внимания на лужи, хотя при этом смотрел себе строго под ноги. Яна пожалала плечами и поторопилась нагнать остальных. Она еще намается с этим «подкидышем», если окажется, что он и пары слов не способен связать. Будет канючить, приносить шоколадки и другую дрянь, лишь бы дали списать. Она это все уже проходила – в старших классах, потом на первом курсе. Парни обращали на нее внимание, когда им было выгодно; если в школе такое случалось часто, то в вузе большую часть времени она чувствовала себя прозрачной. Или невидимой – что примерно одно и то же.

Станет приставать – она его пошлет. Однозначно. Десятерых одноклассников она еще терпела кое-как, стиснув зубы, но делать курсач, чтобы делиться с чужаком – увольте!

До метро тянулся унылый бульвар, который заканчивался недалеко от трамвайного кольца. Яна с грустью смотрела на исписанные матом лавочки и забитые мусором урны. Начал накрапывать мерзкий питерский дождик – та самая легендарная морось, которая успела расползтись по сети в тысяче карикатурных рисунков и анекдотов. Яна веселья и романтики не разделяла; у пальто не было капюшона, но она поленилась доставать зонт и, нахохлившись, торопливо брела за болтающей группой. Иногда гулкое шлепанье ботинка по воде напоминало о незнакомом парне у нее за спиной. Яна все еще пыталась вспомнить его лицо, фамилию или хотя бы кафедру просто чтобы отвлечься – но тщетно.

Разозлившись на собственную девичью память, она прислушалась к болтовне. Сокурсники обсуждали планы на лето – до предстоящей практики и курсовой дела никому не было. Иногородные планировали отстреляться с сессией как можно раньше и шли по списку преподавателей в надежде предугадать, с кем возникнут проблемы, а у кого зачет можно получить автоматом. На кафедре обычно шли навстречу уезжающим. Яна с тоской подумала о том, что и сама бы не прочь уехать, иначе придется возиться на родительских грядах, не разгибая поясницы.

Они добрались до трамвайного кольца, как раз, когда дождь припустил сильнее. До метро оставалась пара сотен метров; здесь уже горели фонари, и таращились огромные вывески на ларьках. На противоположной стороне площади еще работала пара супермаркетов, и можно было не бояться идти в одиночку. Яна остановилась, роясь на дне сумки в поисках зонта.

– О, извини! Не заметил тебя.

Она успела отшатнуться в последний момент, но из-за этого оказалась в луже и с тоской ощутила, как вода стекает по колготкам в полуботинки.

– Блин, ты бы хоть голову поднимал... иногда.

Чтобы высказать это парню в лицо, ей пришлось задрать нос – «подкидыш» оказался выше сантиметров на пятнадцать.

– Извини, – повторил парень, обходя ее и лужу. – Увлёкся подсчётами.

– Подсчётами? – Яна слишком поздно сообразила, что даже не знает, как его зовут, а уже задает вопросы.

Сама бы она на месте парня и не подумала отвечать.

– Да, кое-что с первым плечом интерферометра... – парень запнулся, и, кажется, впервые заметил, что разговаривает с живым человеком. – Глеб. А ты... В смысле, мы вроде не знакомы?

– Вроде нет. Яна. С биомедицинского.

В ответ она рассчитывала услышать, с какой кафедры сам Глеб – но ошиблась. Парень кивнул и завертел головой, словно впервые увидел, куда завел его бульвар. Его взгляд задержался на электронном табло рядом со входом в метро, где точное время сменяли данные влажности и температура.

– Почти десять? Он же меня приберёт!

Глеб тихо присвистнул, совершенно забыв о собеседнице, и метнулся в сторону трамвайного кольца.

Все, что произошло дальше, Яна прокручивала в памяти миллион раз, анализируя каждую деталь и не находя разумного объяснения.

Трамвай как раз высаживал пассажиров. Двери со скрипучим лязганьем захлопнулись, вагоновожатый дал оглушительный звонок для тех, кто бросился через кольцо напрямик, игнорируя правила и пешеходные переходы. Несмотря на темноту, Яна отлично видела силуэт нового знакомого – светоотражающие вставки на его куртке поблескивали в такт размеренному бегу. Трамвай тронулся – остановка для посадки находилась по другую сторону кольца.

И ровно в тот момент, когда состав, чуть накренившись, заходил на поворот, парень по имени Глеб, а вместе с ним и куртка, и блестящие вставки, и темные длинные патлы, и огромный рюкзак – все это в один миг исчезло под колесами. Трамвай, ни на мгновение не замедлив хода, плавно подкатил к остановке.

Яна, вскрикнув, бросилась бежать. Она уже не помнила про зонтик, про мокрые колготки, она бежала изо всех сил, не понимая, почему никто не поднимает тревогу, почему вагоновожатый не дал по тормозам, почему, почему, почему... Эти бесконечные почему колотились в ее висках, но когда она добежала до места, где исчез Глеб, то ничего не увидела.

Он бросился под колеса трамвая – в этом она была уверена. А еще в том, что каким-то образом от него не осталось и следа.

2. ИГОРЬ

К концу утреннего совещания новость о том, что на ближайшие три недели в его отделе пропишется пара студентов, окончательно потеряла актуальность. Игорь Михайлович Руничев проработал в Институте достаточно, чтобы пропустить подвох мимо ушей.

– Голубчик, ну вы же все понимаете. Партнерство, подрастающее поколение, передача опыта... хорошие связи, в конце концов. И всего три недели!

Игорь рассеянно кивал в такт усыпляющим бдительность речам главного инженера. Они все были «голубчиками» вне зависимости от возраста; столько прозвищ, сколько накопил сам инженер за годы работы в Институте, не было ни у кого. Последние лет пять его уже практически в глаза называли «Перекати-полем» – за неуловимость и огромную лысину. Игорь плавно водил пальцем по краю почерневшей от времени и кофеина чашки. Он ждал продолжения.

– Ну, голубчик, тебя не поймешь, – инженер сдавленно хихикнул и протер лысину тряпочкой. – Ожидал, что будешь махать руками и протестовать. Спасибо, избавил старика от революции. Тогда перейдем к остальным, менее острым вопросам.

Ах, эта притворная расслабленность. Игорь огляделся – не купился ли кто на дешевый прием. Нет, все они здесь, на совещании глав отделов, были «тертые калачи» – даже новенькая начальница сбыта, Крутикова, и та сидела с поджатыми губами, по-солдатски выпрямив спину. Тоже ждала тех самых «менее острых вопросов».

Совещания проводились в небольшом вытянутом кабинете напротив бухгалтерии, и через широкий коридор в приоткрытую дверь доносилась привычная ругань Тамары Павловны. Игорь Михайлович, как ученый, считал, что ее речевой аппарат попросту не приспособлен к шепоту или ровным, спокойным интонациям. Женщина-взрыв – добродушно подшучивали коллеги за спиной главбуха. В кабинете отсутствовали шторы, и раз в несколько минут сквозь редкие разрывы в пелене тяжелых, пепельно-сизых облаков помещение заливали яростные лучи несдержанного апрельского солнца. Весна каждый год прорывалась в Петербург с боем – иногда наступая на пару недель раньше срока, чтобы потом отойти с потерями, иногда побираясь исподволь, по полградуса, из-за угла, тайком набухая почки и прорастивая во дворах одуванчики.

Игорь в очередной раз зажмурился, опустив голову, а когда в комнате снова посерело, и он смог открыть глаза, то встретился взглядом с сидевшим напротив Дмитрием Аристарховичем Лодиным. Значит, чутье его не подвело.

– ... начальство, конечно, к нам прислушивается – но и мы не должны отбрасывать полезные инициативы только потому, что привычка – вторая натура. Так, голубчики? – разливался соловьем главный инженер. – Наша задача – стремиться к увеличению эффективности труда. Не дожидаясь, когда это сделают за нас сверху. Вот Дима ко мне недавно подходил, напоминал. Это он правильно делает, у меня в голове – миллион дел, всего не упомянуть.

Игорь криво усмехнулся. Кофе давно выпит, работа стоит – чего ждать, пока Перекати-поле перестанет ходить вокруг да около?

Главный инженер встрепнулся.

– Ну вот, Игорек, ну вот! Ты сразу в отказку, как по-писаному. Ты еще не выслушал, а уже думу точишь. Дима тебя, между прочим, на десяток лет старше и опытнее, надо и уважение проявить. Не так уж его план и дурен.

– Никаких сомнений, Эдуард Иванович.

– Нет, ты послушай, послушай. Я тебе сейчас разложу все по полочкам, сам увидишь.

Под пристальными взглядами собравшихся Перекати-поле заерзал на стуле. Кроме Игоря, только один человек сидел, глядя прямо перед собой, и даже не повернул головы, словно это не его идею уже в третий раз за полгода пытался реализовать покрасневший от напряжения

главный инженер. Дмитрий Аристархович Лодин, начальник огромного отдела разработки, в свои сорок пять выглядел умудренным жизнью бодхисаттвой – всегда в отглаженном, с иголочки костюме, с аккуратно подстриженными висками, чуть тронутыми сединой, он никогда не позволял себе повышать голоса, опаздывать – и вставать у себя на пути. Игорь только год, как перестал быть практикантом, когда в Институт пришел Лодин – всего лишь одним из двадцати конструкторов второго разряда. С тех пор утекло много воды – и очень мало осталось в Институте человек, которых Лодин не дергал за ниточки в любое удобное ему время.

Игорь никогда с ним не спорил.

– Ну, Игорек, что скажешь?

– Что и всегда, Эдуард Иванович, – Руничев пожал плечами и поднял голову навстречу безжалостному солнцу. – Согласно основным положениям Института, экспериментальный отдел является обособленной площадкой, которая подчинена непосредственно главному инженеру. Целью данного обособления являлась, как я уже упоминал, не универсальная эффективность работы в вакууме, а невозможность оказания...

– Вам бы пластинку сменить, Игорь, право слово! – Дмитрий Аристархович сверкнул белозубой улыбкой. – Мы все это слышали, весь ваш «милльон терзаний». Вы бы еще «Русскую правду» Мономаха нам прочли, око за око – это оттуда. Тяжело с вами договориться, каждый раз – через служебки, через посторонних. А у меня сроки горят, все мы тут люди подчиненные. Но с вас спрос невелик – а с меня три шкуры дерут. И с начальства.

Старая песня о главном. Не служебки и не сроки волновали начальника разработки, но знали об этом только сам Лодин да Игорь. Остальные сочувственно косились в его сторону, не улавливая сути претензий, но прекрасно зная – Руничев не первый и не последний, чью вотчину пытался подмять под себя неугомонный и обаятельный Дмитрий Аристархович. Главный инженер выразительно кашлянул.

– Не будем ссориться, такие вопросы с кондачка не решают. Ты все-таки подумай, Игорек. Мощностей у Димы побольше твоего, производство сразу за стенкой – чуть какая деталь нужна, чертеж кинул – и через полчаса уже готово. А так ты сейчас сколько, по неделе ждешь? Непорядок это, сам знаешь. А с текущей твоей задачей...

Глаза сидевшего напротив Лодина блеснули и тут же потухли. Игорь Михайлович вежливо кивнул.

– Непременно подумаю, Эдуард Иванович. Можно идти?

Главный инженер открыл было рот, но передумал и махнул рукой. Заскрежетали по старому паркету ножки стульев, зашуршали бумаги. Начальники отделов нестройной толпой вывалились в коридор, старательно делая вид, будто крики Тамары Павловны – это всего лишь радио.

– Ты аккуратнее с ним, экспериментатор, – бросил Руничеву, проходя мимо, ведущий программист. – Скоро шах и мат объявит, готовься.

– Знаю, Марат, спасибо, – еле слышно ответил Игорь в спину однокашнику.

Он постарался придать голосу уверенности, но себя не обманешь. Против Лодина еще никто не устоял – не устоит и его отдел, съезжившийся до четырех человек. Как и конструкторов, их принудительно добавят к отделу разработки – это только вопрос времени. Тогда Лодин получит доступ ко всему, над чем Руничев работал последние полтора года с момента открытия метафизических волн.

Пришла пора сжигать за спиной мосты.

Добравшись до отдела, Игорь закрыл дверь и устало прислонился к шершавой, помнившей с десятков его предшественников панели. Отчаянно хотелось курить, но полгода назад с пагубной привычкой пришлось расстаться: тогда еще макетный образец монитора реагировал на табачные пары, даже едва заметные, резким скачком в измерениях. Гладкие синусоиды уходили в немыслимые шумы, сводя с ума и сотрудников, и осциллографы. После этого Руни-

чев запретил курение в течение рабочего дня для всех подчиненных, включая себя, потеряв на этом Катю и Володю. Те, кто остались, не курили – и сейчас, оторвавшись от расчетов, одновременно подняли головы, почуяв недоброе.

– Пока отбилсь, – махнул рукой Игорь, ставя кружку рядом с кофеваркой. – Но дело пахнет керосином.

Конструктор Миша только пожал плечами и снова взялся за паяльник. С уходом схемотехника Володи на его плечи лег основной труд по внесению изменений не только в чертежи, но и в разводку плат – по счастью, пока их в прототипе было всего две. Герман – программист – кивнул в такт собственным мыслям. Игорь знал – Герман, как и он, не станет прогибаться под Лодина, его в любой коммерческой конторе оторвут с руками. Просто уволиться – и все дела. Немного утешал тот факт, что в отделе разработки немногие смогут разобраться в написанном Германом коде – по крайней мере, на это уйдет порядочное количество времени.

Но третий сотрудник экспериментального отдела язык за зубами держать не умел – и не собирался.

– Вмазать бы ему разок – по аристократичному фейсу. Чтобы засунул свои аппетиты куда подальше, – Жека, сборщик, наладчик и калибровщик в одном лице, присовокупил к сказанному цветистое ругательство. – А то подавится.

Игорь против воли улыбнулся. Огромный Жека был старше его на десяток лет, не гнушался закладывать за воротник на каждом празднике, но имел золотые руки и душу борца за справедливость. А еще мог в легкую выйти в выходной день и сваять очередной макетный образец – «да просто так, ноги сами принесли». На душе немного отлегло, но стоило подойти к рабочему столу, как искра позитива мгновенно улетучилась.

Дело предстояло тщательное и мерзкое по своей сути.

Игорь включил компьютер, прихлебывая обжигающий, безвкусный кофе. В единственное узкое окно бились ветви огромной липы, поставившей себе целью перерастить здание Института. Жека успел по привычке открыть форточку, но Игорь все равно скинул пиджак и жадно вдохнул полной грудью влажный весенний воздух. Они славно потрудились, ему не в чем упрекнуть себя.

Теперь осталось только одно – не проиграть.

Года три назад все компьютеры сотрудников принудительно подключили к общей сети с обязательством копировать промежуточные и финальные результаты на отдельно выделенный сервер. Тогда Игорю удалось отбить свой отдел – подчас чертежи и софт менялись по несколько раз на дню, смысла в постоянном сохранении не было никакого. Договорились с Королевым о еженедельном обновлении – но Эдуард Иванович с компьютером так и остался на вы, а кроме него в работу отдела Э никто не лез. На всякий случай Игорь забрался на сервер и проверил – последний сохраненный им файл был двухгодичной давности. Он достал внешний жесткий диск и подключил к компьютеру.

Его движение не ускользнуло от внимания подчиненных.

– Уходим в подполье? – философски бросил Миша, откладывая паяльник.

– Так точно, – Игорь кивнул, методично освобождая диск от хлама. – Хочу, чтобы каждый из вас скопировал актуальные данные вот сюда. В отделе остается только распечатка. Жека – ты все наизусть знаешь, все инструкции стираешь прямо сейчас. Ну а Герман и так с личным ноутбуком ходит, к серваку не подключен.

Он вернулся к экрану, не дожидаясь ответа. Они поймут, а если и нет – как начальник отдела он несет личную ответственность перед руководством за их действия.

– Здесь данные за выходные, – Герман, по обыкновению, положил на стол начальнику очередную флешку. – Удалось отсечь сразу два стабильных диапазона.

– Как закончу очистку – посмотрим вместе, – бросил Игорь, не поднимая головы.

Досада все не уходила, прочно засев где-то в районе горла. Кофе не помог, сигарету нельзя. Он удалил с компьютера все рабочие файлы, перенесся на внешний диск самое необходимое и пересел в дальний конец комнаты, за макетный стол. На нем среди обломков разобранных образцов громоздился небольшой кубик из плохо пригнанных друг к другу деталей. Большую часть им пришлось вытаскивать из-под пола, таская на производство подношения и уговаривая задержаться на часик-другой после работы. Никто и не думал выступать против негласного запрета Лодина на заказы из отдела Э – но по дружбе Игорю удалось выбить почти все необходимые компоненты. Что не получалось достать официально – заказывал сам или покупал в магазине. Дорогую прецизионную электронику приносил Герман. Опытный образец монитора рождался в муках, но тем дороже был каждый исследовательский файл, полученный с его помощью.

– Нам бы усилитель, – бормотал себе под нос программист, настраивая частоту. – Наш все равно не вытягивает.

– Купим подороже? – Руничев мысленно прикинул, сколько времени осталось до зарплаты. – В принципе, я мог бы...

– Нет, Игорь. Естественный усилитель. Ты знаешь, о чем я говорю.

Герман возвращался к теме с удивительным упорством. Игорь был бы рад согласиться – но вся логическая сущность, все годы его образования и работы восставали против самой гипотезы существования подобного.

– Мы договорились не называть это магией, – мягко напомнил Руничев. – Это антинаучно, Герман.

– Называй как угодно, – программист пожал плечами. – Ты и сам знаешь, что ярлык – вторичен. Я утверждаю, что природа устроена именно так – есть люди, которые более восприимчивы, а есть – менее. Если мы найдем человека, который реагирует на метаволны...

– Ты говоришь о волшебнике, Герман. Не увиливай. Ты предлагаешь искать чертова Гарри Поттера или как его там звали. А мы с тобой прекрасно знаем – все это сказки.

Вместо ответа, программист лишь кивнул на экран, по которому бежала ровная голубая синусоида, изредка чуть сбиваясь по амплитуде. Игорь вздохнул – на этот аргумент у него не было ответа. Сигнал существовал, он сам его обнаружил и настоял на необходимости исследования его природы, преодолев скепсис сначала коллег, а потом и главного инженера Королева. Просто Герман, как и положено программисту, не умел обходить острые углы и называл вещи своими именами.

Он не мог оторвать взгляда от сигнала, завороченный его чистотой и потенциальными возможностями. Пусть «магия», пусть любое другое определение – но эти волны существовали в реальности, прямо здесь, в его маленькой лаборатории. Лодин знал об этом – и мечтал наложить свою жадную лапу на чужое открытие. Герман давно вернулся к ноутбуку, а Игорь продолжал сидеть перед маленьким семидюймовым экраном, полностью отключившись от реальности. Поэтому незнакомый женский голос прозвучал для него громом среди ясного неба:

– Нам нужен Руничев Игорь Михайлович. Кто-нибудь в этом хаосе может подсказать, где его искать?

3. ЯНА

После часовых поисков по недрам института, Яна не испытывала ни малейших угрызений совести за резкие слова. Тем более что привычного эффекта они все равно не возымели – из четырех человек к ним с Глебом повернулся лишь один, и, холодно прищурившись, ответил:

– Этот хаос называется рабочим пространством. И вы меня уже нашли.

Яна сглотнула. На вид начальнику отдела было лет тридцать, гладко выбритое лицо и аккуратные усики молодили его. Очевидно, он понятия не имел, кто они такие и зачем явились.

– Мы на практику, четвертый курс, – промямлила она, растерявшись. – В пятницу Эдуард Иванович...

Мужчина поднялся, щелкнул тумблером на задней панели прибора. Экран, по которому минуту назад бежал сигнал, тут же погас.

– Да, он предупреждал. Проходите, закройте плотнее дверь. Сквозняк.

Никакого ветра Яна не чувствовала, но послушно переступила порог тесной, заставленной шкафами комнаты. За ее спиной Глеб захлопнул дверь и подергал за ручку для проверки.

– Садитесь вот сюда, – Игорь Михайлович провел их к столу, на котором громоздилась старая кофемашина, заляпанный чайник и грязные блюда. – Постараемся завтра освободить вам побольше места. Как вас зовут?

Яна и Глеб по очереди представились. Казалось, Игоря Михайловича эта информация ничуть не заинтересовала – он только кивнул и вернулся за рабочий стол в дальнем углу. За его спиной маячил несгораемый сейф, заваленный пожелтевшими папками на завязках и стопками чертежей. Яна молчала, не желая выдавать собственного разочарования – как же не походил экспериментальный отдел на практику ее мечты! Запущенное состояние собственной кафедры, где оборудование не обновлялось с конца восьмидесятых давало надежду на то, что на реальном предприятии, тем более с такой историей, она встретится с современным оборудованием, опрятными инженерами в белоснежных халатах, и четким как часы расписанием. Она хотела ощутить себя винтиком огромной, работающей без сбоев машины – а оказалась где-то посередине между музеем металлолома и кружком «Очумелые ручки».

– Михаил – конструктор и схемотехник, Евгений – наладчик, Герман – программист, – глядя куда-то в сторону, представил Игорь Михайлович остальных сотрудников. – Не успел предупредить – Яна и... Глеб, правильно? Яна и Глеб пришли к нам на практику на ближайшие три недели. Им предстоит написать курсовую работу по результатам работы в нашем отделе.

Яне показалось, что Евгений – огромный бритоголовый детина лет сорока – многозначительно хмыкнул.

– Сразу предупреждаю – курение в отделе запрещено. Даже если вы ходите курить на улицу. Режим – с десяти до шести, можно приносить с собой личные ноутбуки, все равно свободных компьютеров нет. Или записывайте от руки, мне все равно. Сразу говорю – если не хотите приходить, не надо. Возвращайтесь через три недели, я подпишу любые документы.

Яна вспыхнула. Глеб безучастно изучал выцветшие нашивки на своем рюкзаке.

– Вообще-то мы пришли, чтобы чему-то научиться! Чтобы увидеть своими глазами, как работает настоящий Институт.

Игорь Михайлович поднял на нее строгие карие глаза.

– Он работает, как и все в нашей стране, Яна. Через одно место. Верхнюю одежду убирайте в шкаф, доставайте тетради. Я коротко расскажу, чем мы занимаемся – а завтра придумаем, как распределить ваши силы и наше время наиболее целесообразно.

К обеду Яна так и не смогла ответить на простейший вопрос – чем на самом деле занимался экспериментальный отдел. Игорь Михайлович без малейшего энтузиазма перечислил

основные изобретения со времен царя Гороха, которые зародились в его недрах. Про себя Яна прозвала начальника Грифом – из-за носа с небольшой горбинкой, впалых щек, а главным образом – за мрачное равнодушие. К концу пространной лекции она изо всех сил сдерживала зевоту.

Мысли все чаще отвлекались на сидевшего рядом Глеба, который стрелял глазами по комнате, изредка задавая вопросы. Похоже, ему и правда была интересна вся эта историческая дребедень. За выходные история с трамваем слегка потускнела в памяти – Яна все сильнее убеждала себя, что ей попросту померещилось, что Глеб успел проскочить либо под носом у трамвая и смешался с толпой. Но когда он внезапно возник у нее за спиной в проходной и поздоровался, она вздрогнула.

Ей до смерти хотелось спросить, что же случилось.

Закончив с экскурсом в историю, Игорь Михайлович, будто нехотя, перешел к текущему положению дел.

– Как видите, наш отдел – лишь придаток отдела разработки. Все безумства, которые приходят в наши головы, попадают туда. Мы здесь лишь проводим первичный анализ, отбрасываем самые бредовые идеи или слишком дорогостоящие. Экономика должна быть экономной. Золотые самолеты никто строить не станет.

– И над чем вы сейчас работаете? – не выдержала Яна. – Что-то для оборонки?

Она не ждала, что Гриф тут же радостно кивнет и расколется, но Игорь Михайлович скривился, словно его заставили жевать разрезанный лимон.

– Институт не работает на Министерство обороны, Яна. Такими заказами занимается военпред, у них есть свои экспериментальные площадки. В настоящее время ничего такого конкретного, обычная текучка. Вот, можете полистать последние проекты, по некоторым у разработчиков еще остались вопросы. Потихоньку отбиваемся.

Он сунул каждому в руки по увесистой, покрытой пылью папке.

– Надеюсь, ЕСКД вы изучали? Читать чертежи умеете?

Глеб только кивнул, а Яна с трудом удержалась от язвительного комментария. Подобный вопрос студентам третьего курса технического вуза граничил с оскорблением.

– Обед с половины первого до половины второго. Столовая на втором этаже, – добавил Игорь Михайлович. – Будут вопросы – обращайтесь.

– У меня прямо сейчас вопрос, – Яна даже не притронулась к тесемкам на папке.

Гриф вскинул на нее рассерженные глаза. Из угла, где сидели конструктор и программист, донесся неразборчивый насмешливый шепот.

– Слушаю вас, Яна.

– Тут стоит дата, этой папке уже три года. И слой пыли с палец толщиной. Можете рассказать, какие задачи сейчас решает ваш отдел? Что вот это за прибор, например? – она ткнула в ту самую криво собранную металлическую коробку, которую Игорь Михайлович выключил после их прихода. – Мы же не в архив пришли на практику.

Еще не закончив предложение, она поняла, что пересекла границу, и терпение у Грифа закончилось. Рядом застыл Глеб, успевший сунуть нос в выданную ему стопку чертежей. Игорь Михайлович отвернулся от экрана компьютера, где просматривал экселевскую таблицу, и впервые посмотрел ей прямо в глаза. Под его тяжелым взглядом Яна стушевалась, осознав, что ее практика в Институте закончилась, не успев начаться.

Раздался короткий двойной перестук, и на пороге возникла высокая, сияющая фигура. Еще не старый, улыбающийся мужчина с поседевшими бачками оперся локтем о дверной косяк:

– Кто не спрятался – я не виноват! Игорь, выходи. Кто старое помянет – тому глаз вон.

Игорь Михайлович закрыл таблицу одним щелчком мыши и повернулся к неожиданному визитеру. Яна испытала прилив благодарности к своему спасителю, которое лишь усилилось,

когда она заметила плохо сдерживаемое раздражение Руничева. Все три сотрудника отдела как по команде поднялись.

– Мы на обед, Игорь Михайлович, – преувеличенно бодро отрапортовал конструктор Михаил, после чего троица протиснулась мимо сияющего гостя, обменявшегося с каждым продолжительным крепким рукопожатием, и скрылась в коридоре.

– Вы проходите и дверь закройте, Дмитрий Аристархович. Сквозит.

Визитер словно того и ждал – ворвался внутрь глотком свежего воздуха и тут же бросился к столу, за которым притулились студенты.

– Гляжу, тебе тоже подкинули молодняк? Думал, открестись как обычно. Но Королев у нас мастер, – тут он внезапно отвесил короткий церемонный поклон. – Дмитрий Аристархович Лодин, к вашим услугам. Заведую отделом разработки, это прямо по коридору и один этаж вверх по центральной лестнице. Сегодня троих ваших товарищей уже пристроил, не нарадуюсь.

Он протянул руку Глебу, который от неожиданности едва не уронил рюкзак, а потом повернулся к Яне и, внезапно схватив ее пальцы, коснулся губами тыльной стороны ладони.

– Рад познакомиться.

Яна ступевалась, чувствуя, что безудержно краснеет. За всю жизнь лишь пара человек целовала ей руку – еще в школьные годы, и то она ощущала себя не в своей тарелке, хотя лет обоим педагогам было немало. Теперь же и вовсе подобное внимание со стороны незнакомого и явно не последнего в Институте человека казалось одновременно дикостью и лестным комплиментом.

– Вы по делу, Дмитрий Аристархович?

Недовольный голос Грифа оторвал ее от воспоминаний. Лодин по-свойски пристроился на краю ближайшего стола.

– Я, Игорь, пришел поделиться болью.

– Тогда ребята могут сходить на обед, пока мы обсуждаем...

– Нет-нет, я не против. Они же на практике, Игорь – когда еще доведется послушать пересуды начальников, а? – Лодин лукаво подмигнул Яне. – Я ведь знаю – ты не из банального упрямства так ведешь себя. У нас одна задача – все, что мы делаем, делается на благо Института. Человечества, если хочешь – в конце концов. Это не наши с тобой игрушки, это серьезная работа.

Яна переводила взгляд с одного специалиста на другого, втайне начиная жалеть о собственном упрямстве. Кто знает – Эдуард Иванович мог и ее отправить в отдел разработки, она бы сейчас уже разбиралась с реальным материалом вместо того, чтобы клещами выуживать из противного Руничева крупницы информации.

– Я совершенно с вами согласен, никогда этих тезисов не оспаривал, – устало моргнул Игорь Михайлович. – Но слияние наших отделов противоречит самой политике, самой логике экспериментальной деятельности. Это не могут быть эксперименты, которые нужны вам, Дмитрий Аристархович. Должен оставаться простор для творчества.

– Игорь, дорогой – и я про то же! Вот ребята не дадут соврать, – Лодин снова повернулся к студентам, – без фантазии в нашей работе далеко не уедешь. Вы уже рассказали им, что напридумывали за последние полгода?

Яна и Глеб как по команде уставились на Руничева.

– Вы и сами знаете, что ничего особенного я не «напридумывал», – раздраженно бросил тот, поднимаясь. – Если хотите, можем продолжить разговор по дороге в столовую. А вы на сегодня свободны, завтра в десять как договаривались.

По лицу Лодина было похоже, что он собирается возразить – но начальник отдела разработки промолчал. Под тяжелым взглядом Грифа Яна и Глеб, похватав куртки, выкатились в коридор.

– Мутный тип! – вырвалось у Яны, пока они спускались по лестнице к вертушке на проходной.

– Скорее скользкий, – рассеянно ответил Глеб. – Мечтает прибрать к рукам целый отдел, лишь бы узнать про последнюю разработку Игоря Михайловича.

До Яны дошло, что они говорят о разных людях. Она удивленно вскинула на Глеба глаза – в памяти в тысячный раз пронеслась пятничная сцена у трамвайного кольца. Надо все-таки выяснить, что это было.

– Тебе тоже кажется, что Руничев этот темнит? Так и не ответил, что за прибор у него на столе.

Глеб кивнул, налегая на тяжелую створку входной двери. В лицо Яне ударил порыв сильного, но теплого ветра, смешанного с моросью. В воздухе неудержимо пахло весной – тут и там на газоне среди прошлогоднего пожухлого месива пробивались первые ростки свежей травы. Яна плотнее запахнула пальто, по привычке проверяя рукой в сумке все ли на месте.

– Он очень спешит, – невпопад ответил Глеб, стремительно шагая в сторону метро. – И ему не до нас.

Яна едва поспевала за ним, мучительно подыскивая удобный момент, чтобы задать вопрос о трамвайном кольце.

– А... с чего ты вообще ему сочувствуешь? Он нас попросту выгнал в первый же день! Или тебе плевать – скачаешь какой-нибудь курсовик в интернете и сунешь на подпись?

Что за черт? Она не понимала, зачем достает его с вещами, которые ее ничуть не касались. Половина ее курса скачивала все, что плохо лежало, а преподаватели только беззлобно ругались и раздавали тройки.

– Прости? – Глеб резко остановился, пытаясь перекричать очередной порыв ветра. – Скачать? Нет, я не сочувствую – просто мне не нравится Лодин. Считаю, что я – антиглобалист.

Яна, не удержавшись, фыркнула в голос. Глеб удивленно моргнул, потом неловко улыбнулся.

– Извини, я пытался пошутить. Не очень вышло, да?

– Нормально. А ты...

Тут она сообразила, что не сформулировала вопрос заранее. Этот метод всегда помогал перед неприятным разговором с родителями. Иногда Яна тратила не один час, выстраивая в голове логическое обоснование и заранее проговаривая свою позицию. В итоге разговор нечасто проходил как задумано – но у нее как минимум всегда было в кармане отрепетированное начало.

Глеб, глядя сверху вниз, ждал продолжения.

– Так с какой ты кафедры? – смешавшись, Яна решила, что спросить о пятничном происшествии она успеет и завтра.

Когда подготовится.

Вместо ответа, Глеб развернулся и продолжил идти в сторону метро.

– Ты что-то другое хотела сказать, да?

– А ты не хочешь отвечать? Это секрет, что ли?

Яне стоило труда с ним поравняться.

– Нет. Хочу пригласить тебя в кино. Пойдешь?

Он как-то неуклюже махнул рукой в сторону торгового центра напротив метро, чья вывеска уже показалась между домами. От неожиданности Яна опешила, потом спохватилась:

– Нет уж, спасибо. Мог бы честно ответить, что учишься на платном. Или вообще с гуманитарного. Увидимся.

Она не стала дожидаться ответа и резко свернула на пешеходный переход, где как раз загорелся зеленый. Сегодня кино, а через три недели списать курсовик? Спасибо, она такое уже проходила.

Не в этот раз.

4. ИГОРЬ

Игорь позволял себе кофе «с собой» очень редко; в обычные дни он пил первую кружку уже на рабочем месте, пролистывая почту. Но во вторник после бессонной ночи не удержался и залил в себя по дороге на работу огромный безвкусный стакан, наполовину состоявший из ненавистой молочной пены. Все урны остались далеко позади, и чтобы попасть в Институт, пришлось задержаться у вертушки, придерживая стакан зубами в поисках пропусса.

– Что, заставил Наполеона отступить? – Лизавета Санна не могла не воспользоваться шансом. – Все ждешь своего Бородино?

Игорь похлопал себя по карманам. Пропуск, словно лестница в замке Хогвартс, постоянно менял свое местоположение, а стаканчик, зажатый в зубах, мешал обзору. Наконец, искомый кусок пластика отыскался во внутреннем кармане пиджака между паспортом и блокнотом.

– Оставляю Москву на сжигание, – буркнул он вахтерше, проходя через вертушку. – Бородина не будет.

– То-то гляжу он в столицу укатил, голубь сизокрылый. Марьяна сама не своя мечется, в восемь утра уже прицокала. Носится по отделам, порядок наводит. Говорят, поехал грант выбивать.

Игорь только рукой махнул, не дослушав, и взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Накануне Лодин и словом не обмолвился о командировке; после ухода студентов он плавно соскочил с разговора в обычной манере, сославшись на занятость. Поездка в Москву могла означать грант – но Игорь не сомневался, что вездесущий Дмитрий Аристархович попытается решить за один визит максимальное количество проблем. Поразмыслив секунду, он преодолел еще один лестничный пролет, заглянул в мужскую уборную, где избавился от проклятого стаканчика, и через пару минут уже стучался в двойные бронированные двери кабинета начальника отдела разработки.

Дверь открыла Марьяна – в прошлом неглупая практикантка, низведенная Лодиным до статуса секретарши, и упорно делавшая вид, будто гордится подобной близостью к «великому человеку». Она действительно носила очень высокие каблуки и стильные брючные костюмы, но никак не могла избавиться от затравленного бегающего взгляда.

– Игорь Михайлович? – Марьяна удивленно моргнула, потом вспомнила, что когда-то давно они уже переходили с ним на ты. – То есть...

– Доброе утро, Марьяна, – Руничев искренне улыбнулся. – Можно?

Секретарша растерялась и пропустила его в приемную, и только когда Игорь закрыл за собой дверь, всплеснула руками.

– Ой, Его же нет... то есть Дмитрий Аристархович в командировке. У тебя что-то срочное? Может, кофе?

Она потерянно огляделась. Игорь отметил бесконечные дипломы на самой заметной полочке в шкафу, фарфоровый сервиз с остатками чая на журнальном столике, новый кожаный диван. Подминая под себя все новые отделы, Лодин мог с полным правом приводить обстановку в соответствие своему положению. Марьяна судорожно раскладывала у себя на столе распечатки, которые без остановки выплевывал принтер, одновременно что-то печатая на компьютере. Каждые полминуты взрывался звонком один из трех телефонов на столе, и она церемонным, немного треснутым голосом объясняла, что начальника нет на месте, она все передаст и запишет, непременно, завтра, обязательно...

– Суета сует? – Игорь подобрал пару листков, улетевших под стол. – Выглядишь усталой. А кофе я тебя лучше сам угощу, если заглянешь – нечего на такую ерунду отвлекаться.

Марьяна от безобидного флирта расцвела.

– А Дмитрий Аристархович говорит – ты упрямец, каких мало.

– В этом мы с ним похожи, – легко согласился Игорь.

Он ждал какого-нибудь знака. Если Герман исподтишка верил в магию, Жека делил мир на черное и белое, а Миша просто хотел утолить неумную жажду творчества, то Игорь привык, что мироздание всегда предоставляет человеку шанс осуществить задуманное.

– Но я совершенно зашиваюсь – ты подумай, четыре отдела! И всем он оставил распоряжения, и за всеми надо уследить. И еще этот... ах ты, да что же за наказание!

Она горестно всплеснула руками.

– Опять завис, ну ты подумай, Игорь! Третий раз за неделю – и прямо посреди печати. Я уже асушников задолбала, но ты же знаешь Петровича – ему лишь бы зарплата капала да кота никто не обижал. Придет, покопается три минуты, перезапустит – все работает. И смотрит на меня так, словно «сама дура виновата».

Игорь вознес мирозданию короткую благодарственную молитву.

– А что виснет? Давай, может, на этот раз без Петровича обойдемся. Как в старые добрые времена.

Он не был уверен, что Марьяна застала те самые времена, когда еще не было никакого общего сервера, и разработчики, а вместе с ними и программисты, были единственной службой спасения для компьютеров всего Института. Тетки из бухгалтерии, секретари, даже сам генеральный при малейшем зависании бежали за помощью к инженерам.

– А ты можешь? – удивилась Марьяна и тут же густо покраснела. – Ну конечно, можешь, Игорь, прости. Не сообразила. Ты же все можешь.

Он усмехнулся в ответ на маленькую благодарственную лесть. Пока Марьяна не передумала, ловко уселся в ее кресло и пощелкал мышью. Компьютер действительно «висел». Игорь запустил перезагрузку, подарив себе секунд двадцать на обдумывание плана действий.

Второго шанса уже не будет.

Он для вида повозился в настройках БИОС'а, почистил реестр и сделал дефрагментацию обоих дисков.

– Я заметил, у тебя была почта открыта, когда он завис. В прошлый раз было то же самое? Не припоминаешь?

Марьяна помнила плохо.

– Да она у меня всегда открыта... письма же десятками в день приходят. А что?

– Да есть одна теория... – Игорь задумчиво изучал потолок. – Ну-ка, давай свой логин и пароль, сейчас проверю. Антивирус у тебя хороший стоит, много времени не займет.

Он включил проверку, развернув ее на весь огромный семнадцатидюймовый монитор, скрыв тем самым небольшое окно, в котором шло копирование рабочей переписки Лодина в его собственную папку на сервере. Но беспокоился он зря – ни о чем не подозревавшая Марьяна убежала сначала в один отдел, потом в другой, и вернулась, когда оба дела были уже закончены. Игорь поднялся, широким жестом презентуя ей работающий компьютер:

– Ты, кстати, напиши заявку на увеличение оперативной памяти. Лишним не будет.

– Себе или ему? – неловко пошутила Марьяна. – Спасибо, Игорь.

– Не стоит, – он уже стоял в дверях, застегивая пиджак. – И заходи на кофе, всегда будем рады.

Два пролета вниз, минута по коридору. Часы показывали половину десятого, но Игорь не хотел терять ни секунды. Он скопировал переписку себе на компьютер и для надежности удалил папку с сервера, но не слишком рассчитывал, что его шпионаж останется тайной. Удар следовало наносить немедленно – или никогда.

Подчиненные удивленно следили за лихорадочным щелканьем мышью. Игорь пролистывал письмо за письмом. Через пятнадцать минут он уже смог отфильтровать больше половины адресатов – в их переписке с Лодиным не содержалось ничего интересного. Но оставшихся писем было слишком много.

– Помощь нужна? – негромко поинтересовался Герман, не отрывая взгляда от кода на экране ноутбука.

Игорь на секунду задумался, потом качнул головой. Вляпываться – так одному. Но сегодня удача или кто там отвечал за нее была на его стороне. Игорь распечатал несколько выдержек из самой свежей переписки.

– Я к Перекати-полю. Буду сидеть, пока не застану.

– А что делать с юными космонавтами? – поинтересовался Жека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.